

3. Установление политической диктатуры

Годы «военного коммунизма» стали периодом установления политической диктатуры, завершившей двойной процесс, растянувшийся на годы: уничтожение или подчинение большевикам независимых институтов, созданных в течение 1917 г. (Советы, заводские комитеты, профсоюзы), и уничтожение небольшевистских партий.

Этот процесс (к которому чуть позже добавился запрет на внутривнутрипартийные фракции) проходил поэтапно и разнообразно. Сворачивалась издательская деятельность, запрещались небольшевистские газеты, производились аресты руководителей оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона, постоянно контролировались и постепенно уничтожались независимые институты, усиливался террор политической полиции — ВЧК, насильно были распущены «непокорные» Советы (в Луге и Кронштадте). Все эти меры проводились иногда по инициативе ВЧК или ее местных органов, иногда с санкции высших партийных эшелонов. Но, в общем, они всегда шли в одном направлении.

Мы уже проследили за тем, как съезд Советов, а потом и его руководящие органы были отстранены от власти, как автономия и полномочия заводских комитетов попали под опеку профсоюзов. В свою очередь профсоюзы, значительная часть которых не подчинилась большевикам (железнодорожники, почтальоны, служащие, рабочие кожевенных заводов), были либо распущены по обвинению в «контрреволюции», либо приручены, чтобы выполнять роль «приводного ремня». Проблема независимости профсоюзов от советского государства была поднята на том самом I съезде профсоюзов (январь 1918 г.), который завершился потерей независимости заводскими комитетами. Большевики всегда считали «нейтральность» профсоюзов «буржуазной» концепцией. Поскольку новый режим «выражал интересы рабочего класса», то, по словам Зиновьева, профсоюзы «постепенно входят составною частью в общий механизм государственной власти, становятся одним из органов рабочей государственности, подчиняясь Советам, как исторически данной форме диктатуры пролетариата».

Тот же съезд отверг предложение меньшевиков, настаивающих на праве на забастовку, заявив (этот тезис повторялся теперь на каждом углу), что Республика Советов — рабочее государство и было бы абсурдным рабочим бастовать против самих себя. Чуть позже, чтобы усилить зависимость профсоюзов, большевики поставили их под прямой контроль партии. Внутри профсоюзов коммунисты должны были объединяться в ячейки, подчиняющиеся непосредственно партии, и, следовательно, быть в первую очередь членами партии, а уж во вторую — членами профсоюза. Эти действия против независимости профсоюзов подверглись суровой критике со стороны некоторых большевиков, организовавших так называемую «рабочую оппозицию» внутри партии.

Что же касается небольшевистских политических партий, то они последовательно уничтожались разными способами. 28 ноября 1917 г. кадетов объявили «врагами народа». Левые эсеры, поддерживавшие большевиков до марта 1918 г., разошлись с ними по двум пунктам: террору, возведенному в ранг официальной политики, и Брест-литовскому договору, который они не признавали. После трех месяцев «легальной» оппозиции левые эсеры попытались совершить государственный переворот (6 — 7 июля 1918 г.), закончившийся провалом. Большевики воспользовались этим, чтобы удалить левых эсеров из тех органов (например, сельских Советов), где их позиции были еще очень крепки. Но, несмотря на суды, амнистию, затем новые аресты (в феврале 1919 и в марте 1921 г.), в целом судьба левых эсеров оказалась менее трагичной, чем остальных партий. В 1921 г. всего лишь 26 левоэсеровских руководителей были расстреляны большевиками, несколько десятков сосланы, большинство же обратилось в «большевистскую веру», и многие начали работать в политической полиции.

Остальные эсеры еще в октябре объявили себя непримиримыми врагами большевиков. Верные своим принципам, они намеревались одновременно расправиться и с большевиками, и с белыми. Но это желание осуществить было невозможно ввиду крайней слабости их организации. Из Исполнительного комитета Советов, на заседаниях которого эсеры в конце концов согласились присутствовать (14 июня 1918 г.), их удалили одновременно с меньшевиками за «сеяние смуты». Начались преследования, газеты эсеров были закрыты. От имени Учредительного собрания, где эсеры были в большинстве, они попытались создать временное правительство (летом — осенью 1918 г. в Самаре, затем в Уфе). Но их план провалился, так как эсеры оказались между большевиками и монархической контрреволюцией. Они слишком боялись, «сражаясь с коммунистами, невольно помочь приходу к власти реакционной диктатуры» (Л.Шапиро). Крах временного правительства повлек за собой развал партии эсеров. Некоторые из них, объединившись вокруг Вольского, отказались применять против большевиков силу. За это они получили право издавать газету «Дело народа», запрещенную в январе 1918 г. Эта «свобода» продлилась девять дней (20 — 28 марта 1919 г.). Большая часть эсеров эмигрировала вместе с Авксентьевым и Зензиновым. После окончания гражданской войны большевики организовали крупный публичный процесс над эсерами (8 июня — 25 июля 1922 г.), чтобы возложить на них вину за покушение на Ленина 30 августа 1918 г. и доказать, что, публично отказавшись от вооруженной борьбы в июне 1919 г., руководители этой партии только прикрывали свою истинную политику заговоров, терроризма и сотрудничества с белыми. Практика «амальгамы» в политических процессах использовалась не впервые в истории. 9 июля 1919 г. ЦК большевиков призвал своих активистов «разоблачать и арестовывать кадетов, меньшевиков и эсеров, сообщая действующих против советского правительства, то есть в поддержку Деникина».

Меньшевики, объединившись вокруг своих руководителей Дана и Мартова, попытались организовать в легальную оппозицию в рамках законности. Если в октябре 1917 г. влияние меньшевиков было незначительным, то к середине 1918 г. оно невероятно возросло среди рабочих (печатники, металлурги, рабочие текстильной и химической промышленности). С лета 1918 г. меньшевиков стали постепенно удалять из Советов. Тем не менее в январе 1919 г. им удалось избрать около 60 делегатов (из 430) на II съезд профсоюзов. До 1921 г., несмотря на аресты, запрет меньшевистских газет и махинации на выборах, у них еще были представители в Советах. За исключением грузинских, порвавших с остальной частью социал-демократов и поддержива-

ющих вмешательство союзнических держав, лишь бы не допустить большевистской интервенции, основная часть меньшевиков не занималась нелегальной деятельностью. В начале 1921 г. они завоевали большое число сторонников в профсоюзах, пропагандируя меры по либерализации экономики, которые затем были переработаны Лениным и озаменовали собой начало нэпа. В феврале — марте 1921 г. большевики предприняли последнее наступление на меньшевиков: за несколько недель было произведено 2 тыс. арестов, в том числе были арестованы все члены ЦК. Десяти членам ЦК было разрешено выехать за границу, где находился Мартов, остальные были сосланы в Сибирь. Что же касается анархистов, которые одно время вместе с левыми эсерами были «попутчиками» большевиков, то с ними поступили как с обычными уголовниками. ВЧК провела несколько крупномасштабных операций против трех основных анархистских объединений («Голос труда» в Петрограде, «Вольный труд» в Москве и «Набат» на Украине). В Москве 12 апреля 1918 г. в результате серьезных вооруженных конфликтов отрядами ВЧК было убито около 40 анархистов. Примерно 500 человек подверглись аресту. Подобная же операция имела место в Петрограде 23 апреля. Украинские анархисты продолжали сопротивление: на Украине произошло крупное крестьянское восстание, руководимое Махно.

Накануне Октября Ленин говорил, что, взяв власть, большевики ее не упустят. Для большевистского лидера демократический выбор устарел с того момента, как партия, догматично идентифицированная с рабочим классом — двигателем истории, совершила революцию. Сама концепция партии, с марта 1918 г. называемой коммунистической, не допускала разделения власти: эта организация нового типа уже не являлась политической партией в традиционном понимании, так как ее компетенция распространялась на все сферы — экономику, культуру, семью, общество. В этих условиях любая попытка воспрепятствовать контролю за общественным и политическим развитием расценивалась как саботаж.

Правда, в конституции, принятой 10 июля 1918 г., не говорилось, что коммунистическая партия руководит, управляет и ведает всем государственным аппаратом; другие политические образования не запрещались, но в 23-й статье было записано, что, руководствуясь интересами всего рабочего класса, РСФСР лишает отдельных граждан и социальные группы прав, которые они могут использовать в ущерб социалистической революции. Это узаконивало любой произвол властей. Провозглашая в преамбуле уничтожение эксплуатации человека человеком и установление социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти, Конституция 1918 г. утверждала равенство наций, обязательный для всех труд и воинскую повинность, всеобщее избирательное право. Однако она же создавала категорию отверженных — «лишенцев», не имеющих права голосовать и быть избранными. В эту категорию попадали «тунеядцы», священники, бывшие «буржуи», «дворяне» и те, кто получал доходы не только от своего труда, — то есть многие миллионы людей, ставшие объектом всяческих подозрений Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), высшего оружия осуществления воли пролетариата, созданной 7 декабря 1917 г. по предложению Ф.Дзержинского, ставшего ее первым председателем. Поначалу ВЧК задумывалась как орган расследования и ее репрессивные меры сводились к конфискации имущества и продовольственных карточек. Задача по организации такой полиции возлагалась на местные Советы. Местные ЧК быстро присвоили себе право после короткого суда расстреливать арестованных. Большевистские руководители, и особенно Ленин, приветствовали растущий «народный террор», готовый захлестнуть всю страну. «Надо поощрять энергию и массовидность террора», — писал Ленин 26 июня 1918 г. За годы гражданской войны численность ВЧК увеличилась с 1 тыс. человек в апреле 1918 г. до 37 тыс. в январе 1919 г. Весной 1921 г. в ее рядах насчитывалось уже 233 тыс. человек. Декрет от 6 июня 1918 г. восстановил смертную казнь. Но чекисты не дожидались этого закона, чтобы расправиться со своими политическими противниками. Правда, массовый характер казни приобрели только после покушений на Ленина и Урицкого 30 августа 1918 г. Вот тогда и начался настоящий «красный террор»: 3 сентября в Петрограде было расстреляно 500 заложников и подозрительных лиц. Одиночные казни теперь в расчет не принимались. Конечно же, свирепствовали не только чекисты, но и белогвардейцы, которые «огнем и мечом» наводили свой поря-

док в «красных районах». В сентябре 1918 г. местные ЧК (примерно 400) получили от Дзержинского распоряжение, где уточнялось, что в своих действиях, то есть обысках, арестах и казнях, ЧК совершенно независимы, но после их проведения чекисты должны направлять отчеты в Совнарком.

ВЧК ввела две карательные меры, до революции в России не применявшиеся: взятие заложников и трудовые лагеря — структура, получившая впоследствии огромное развитие. Троцкий первым приложил серьезные усилия к созданию лагерей (приказ от 4 июня 1918 г.). Туда были помещены белочехи, отказавшиеся сдать оружие. В августе в Муроме и Арзамасе были организованы два лагеря для «провокаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов и спекулянтов». 5 сентября 1918 г., в разгар «красного террора», Совнарком одобрил создание лагерей и признал, «что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». 15 апреля 1919 г. правительство своим декретом одобрило эту структуру, в которой детально были разработаны условия принудительной работы в лагерях, находящихся в ведении НКВД (Народного комиссариата внутренних дел). Функционировали два вида лагерей: одни были в ведении НКВД (туда направлялись люди, уже осужденные трибуналом), другие — ВЧК (там находились «потенциальные классовые враги», «чуждые элементы», «паразиты», арестованные на всякий случай в административном порядке). Данные по количеству заключенных в лагерях во время гражданской войны очень неточны. Сошлемся на сведения самих репрессивных органов. 1 января 1921 г. в 107 лагерях НКВД насчитывалась 51 тыс. заключенных, в лагерях ВЧК — 25 тыс. Один из руководителей ВЧК, Лацис, на страницах «Известий» 6 февраля 1920 г. писал, что в 1918 — 1919 гг. политическая полиция арестовала 128 тыс. человек. 54500 из них были освобождены, 9641 — казнены. Цифры, без сомнения, одновременно занижены и преувеличенно точны, тем более что сотни местных ЧК действовали без согласования с центральным органом. Конквест, а затем Леггетт приводят цифру в 140 тыс. жертв ВЧК за 1917 — 1922 гг., но и она, по словам Леггетта, остается «очень сомнительной».